

на рубеже 1850—1860 годов: Биография. М., 1972. 12. Николаев Д. П. Сатира Салтыкова-Щедрина и реалистический гротеск. М., 1977. 13. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. М., 1965—1977. 14. Сен-Симон А. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1948. Т. 1.

Статья поступила в редколлегию 15.10.88

Л. М. Борисова, доц.,
Симферопольский университет

«Мещане» М. Горького в контексте идейной борьбы начала XX в.

Отличительной особенностью творчества М. Горького является обостренное внимание к идейно-интеллектуальной стороне жизни общества. Это в полной мере относится и к его драматическим произведениям. Пожалуй, никогда прежде в русской драматургии идея — общая, на первый взгляд, даже отвлеченная — не играла такой важной роли в развитии конфликта. Мысль становится одной из первейших жизненных потребностей для героев Горького. Уже современники писателя обращали внимание на это качество его драматургии. «Горький сам не знает, может быть, как он любит красоту: а между тем ему доступна высшая форма этого чувства, та, когда человек понимает и любит красоту мысли (выделено автором. — Л. Б.) [1, с. 87]. Однако далеко не все соглашались в этом вопросе с И. Анненским. А. Кугель, например, считал, что Горький «осквернил драму софистикой» [7, с. 240]. «...Дело не в идеях, не в идеях-просто, а в идеях-чувствах, в сладком гипнозе бодрой, сверкающей жизни, в энтузиазме, в горении, в смене настроений, в поэзии, в религии красоты — в искусстве» [6, с. 814]. Что дал нам, дачникам, Горький в этом смысле, с точки зрения искусства? — спрашивал А. Кугель и всем тоном своей статьи отвечал: ничего.

Дореволюционная критика не оценила по достоинству новаторство горьковских пьес, в том числе их сильно выраженный интеллектуализм.

Это было сделано исследователями в советское время. Вместе с тем в советском литературоведении творчество Горького на протяжении многих десятилетий изучалось преимущественно в одном, социально-классовом аспекте. Богатейшее философское, нравственно-психологическое содержание произведений писателя долгие годы оставалось в тени. Односторонний анализ в конечном счете давал обедненное, упрощенное представление о социально-историческом значении запечатленных Горьким конфликтов, не говоря уже о его художественном мире.

В последнее время внимание горьковедов все больше привлекает идейно-нравственная, социально-философская сторона

творчества писателя. При этом исследователи не могли не отметить нерасторжимость, слитность в произведениях Горького понятийного и образного начал. Эта особенность художественного метода писателя наложила отпечаток и на его жанровую систему.

Пьесы Горького — в точном смысле «драмы идей». Он в них не порывал ни с бытом, ни с конкретным историческим временем, герои его — не стилизованные фигуры, как часто бывало в драматургии начала века, а полновесные характеры, типы. Но драматическое действие, при всей его материальности, плотности, всегда имело у Горького еще одно измерение, связанное с борьбой идей. Не случайно так много места занимает в его произведениях полемика — литературная, философская.

Драматургия Горького — подлинный синтез образного и понятийного, художественного и публицистического, нравственно-философского и социально-исторического. И как социально-историческое содержание конфликта у Горького предстает облегченным, без учета нравственно-философской проблематики, так нравственно-философская проблематика не может быть сколько-нибудь глубоко понята вне социально-исторического контекста.

В «Мещанах» Горький не просто вывел представителей двух поколений российского мещанства, но (и в этом поистине непреходящий смысл пьесы) показал его идейную экипировку, излюбленную «систему фраз». Улавливая малейшие колебания социально-философской мысли, всякое изменение в идейной атмосфере русского общества, Горький «подогревал» обсуждение назревших проблем, активизировал идейную жизнь России. В «Мещанах» он предвосхитил многие положения концепций, которые позднее, в дискуссии, вызванной «Заметками о мещанстве», выдвинули противники социал-демократии. В пьесе Горький правильно уловил тенденции идейной борьбы, а своими заметками настолько заострил проблему, что вызвал у публицистов и философов противоположного лагеря желание немедленно уточнить понятие, «дать себе ясный отчет в значении слова «мещанство»» (М. Гольденвейзер), «восстановить истинное значение слов» (Н. Бердяев), ибо «само понятие «мещанства» недостаточно выяснено» (Д. Овсяннико-Куликовский). Расходясь в оттенках, все названные деятели вкладывали в понятие мещанства одинаково «внеклассовый» смысл. Как «узость, плоскость, безличность» определял мещанство Р. Иванов-Разумник. Д. Мережковский всему виной считал благополучие «дурного вкуса».

Н. Бердяев заменял определение длинным списком причисленных к мещанству. «Мещане те, которые по духовной своей бедности временное ставят выше вечного, абсолютные ценности предадут за благоустроенное и удобное царство мира сего», злобствуют «против религии, философии и эстетики, против абсолютных прав личности и беспокойства ее, мешающего им (мещанам. — Л. Б.) окончательно устроиться» [2, с. 152]. Впрочем,

Бердяев был озабочен не столько значением слов, сколько тем, чтобы представить мещанином автора «Мещан» и «Заметок о мещанстве». А некоторые критики (Ю. Айхенвальд, С. Яблоновский, Н. Рок) обвиняли в мещанстве горьковского Нила.

Антипод мещанину либеральные публицисты видели в интеллигенте. Если благополучие порождает мещанство, то трагедия — «источник всякого благородства» [9, с. 36]. Д. Мережковскому наиболее трагичным представлялось положение русского интеллигента, оказавшегося между молотом и наковальней, под двойным гнетом: самодержавия — сверху, народной массы — снизу. Думается, все же второй гнет интеллигенция, к которой принадлежал Мережковский, ощущала сильнее, чем первый.

Как и Д. Мережковский, в споре о мещанстве Р. Иванов-Разумник противопоставлял мещанству, с одной стороны, индивидуализм, а с другой — интеллигенцию, «внесловную, внеклассовую, преемственную группу, характеризующую творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности» [5, с. 10].

По-своему, но также с внеклассовых позиций подходил к проблеме Д. Овсяннико-Куликовский. Он определял мещанство как «достаточно устойчивое душевное равновесие, приобретаемое человеком, когда он приспособляется к окружающей среде» [12, с. 230]. Ученый считал редкостью мещанство в чистом виде и противопоставлял ему отщепенство, любое, даже самое слабое, проявление личности.

Представление об интеллигенции и мещанстве как «внесловных», «внеклассовых» группах решительно опроверг Г. Плеханов. «В обществе, разделенном на классы, всякая общественная группа по необходимости имеет классовый характер, хотя в зависимости от обстоятельств этот ее характер и не всегда получает яркое выражение» [14, с. 537]. Плеханов показал мелкобуржуазную природу мещанства, в особенности той части интеллигенции, которая когда «хотела отвернуться от пролетариата и постигала свое истинное призвание быть буржуазной (здесь и дальше выделено Плехановым. — Л. Б.) интеллигенцией... приравнивала пролетарские стремления к мещанству» [14, с. 550—551]. В справедливости этого заключения можно убедиться на примере Бердяева: защищая «сверхчеловеческие ценности» интеллигенции, он восставал против любого слова о том, чтобы «рационализировать жизнь», а революцию воспринимал как мечту мещанина поудобнее устроиться в жизни.

В вопросе об индивидуализме как этике и идеологии мещанства близкую Горькому позицию занимал А. В. Луначарский [8].

Но, разумеется, ни Горький, ни Луначарский не отрицали значения личности. Для обоих высшим проявлением личностного начала был героизм. И как раз героическое внушало

наибольшие опасения их идейным противникам. Особенно после 1905 года. Авторы «Вех» (например, С. Булгаков) противопоставляли героизму подвижничество — самообуздание, смирение, осознание собственной малости. Публицисты «Полярной звезды», едва провозгласив свою программу: «Личность для нас священна... человек должен всегда рассматриваться как цель и никогда как простое средство...» [16, с. 21], — спешили заключить личность в довольно-таки узкие рамки: «Религия человеческого, только человеческого, отвергающая ценности абсолютные и вечные, всегда приводит к тому, что на человека смотрят лишь как на средство. Абсолютная ценность человеческой личности может быть признана лишь религией ценностей сверхчеловеческих» [2, с. 150]. «Религия человеческого, только человеческого...» — сказано непосредственно в связи с творчеством Горького. Другим сторонникам «сверхчеловеческих» ценностей «человекопоклонничество» Горького, напротив, казалось слишком абстрактным. Иванов-Разумник сравнивал его в этом отношении с И. Пниним — «не о живом человеке, не о личности говорит Пнин, а об абстрактном человеке, о Человеке с большой буквы» [5, с. 39].

В споре о мещанстве Горький и представители либерального лагеря занимали непримиримо противоположные позиции в самом понимании личности. Перипетии этой борьбы подробно проследил А. И. Овчаренко [13]. Писатель отлично понял то главное, что заставляло его оппонентов искать все новые и новые аргументы в защиту «ультраиндивидуализма» — боязнь общества, обязанностей, им налагаемых.

Страх перед обществом — именно это чувство в словах Петра Бессеменова: «Общество? Вот, что я ненавижу! Оно все повышает требования к личности, но не дает ей возможности развиваться правильно, без препятствий... Человек должен быть гражданином прежде всего! — кричало мне общество в лице моих товарищей. Я был гражданином... черт их возьми... Я не хочу... не обязан подчиняться требованиям общества! Я — личность! Личность свободна...» [4, т. 7, с. 25].

Однако не все идеологи русской буржуазии были так открытвенны, как герой Горького. Некоторые из них говорили о необходимости идти на компромиссы с обществом, думали о том, как примирить социализм (понятый как «чистая эмпирика») с идеализмом, индивидуализмом, анархией. Индивидуалисту предлагалось взять на себя контроль за тем, чтобы «здание коммунистического общества было построено с запасными выходами, ведущими личность к свободе и созерцанию» [11, с. 128]. Позаботиться об этом следовало заранее, пока здание еще только проектируется. До сих пор, как считали социал-анархисты, «каждая дверь была западней и каждая обитель клеткой», им же хотелось устроить общество таким образом, чтобы «личность в каждое время имела возможность скинуть с себя все бремена забот и обязанностей и вернуться к святине своего «я»» [11, с. 129]. Под этими строками трактата Н. Минского, успо-

коившись, подписался бы и Петр Бессеменов. Подобно «анархо-индивидуалисту» Минского, мечтавшему не о социальной свободе, а о «свободе от социальной свободы», Петр у Горького признается: «...Вот как надо жить — одному, независимо...»; «Я хочу уйти, жить один...» [4, т. 7, с. 76].

Спор о мещанстве стал частью большого спора о человеке. Обрушившись со всей силой своего темперамента на мещан, Горький решительно отказался признать страдание той единственной силой, которая способна разбудить в человеке личность, а именно на этом настаивали его противники. Неблагополучия, в том числе искусственно раздуваемых нравственных страданий, немало в доме Бессеменовых, однако это не делает Татьяну и Петра талантливее, ярче, оригинальнее. «Жить скучно...», «Все одно и то же...» [4, т. 7, с. 9, 11], — повторяет Татьяна.

Горький был убежден в бесплодности страдания. Как бы ни было его много, само по себе оно ничего не прибавляет в жизни, не способно изменить порядок дел. Повышенное внимание к страданию поэтому выглядит в изображении Горького абсурдно и свидетельствует только о крайней нищете духа:

Баба. Я, батюшка, к Семягиной шла... кума она мне...

Тетерев. Ну? Что же тебе нужно?

Баба. А мимо иду... шум, слышу... думала, пожар...

Тетерев. Ну?

Баба. И зашла... На несчастье посмотреть зашла...

[4, т. 7, с. 65].

В спасительности страдания, в правомерности противопоставления нравственного социальному Горького не могли убедить и крупнейшие художники слова, не то что Мережковский. В этом вопросе автор «Мещан» не склонялся даже перед такими авторитетами, как Л. Толстой и Ф. Достоевский, полемизировал с ними и в публицистических выступлениях, и в художественном творчестве. Идея нравственного самосовершенствования по христианскому типу, через страдание, была органически чужда Горькому. Он отрицал ее всем пафосом своего творчества.

Знаменателен диалог Горького с Достоевским. Особую остроту ему придавало то обстоятельство, что Достоевского провозгласили своим пророком новейшие русские богоискатели — В. Розанов, А. Волынский, Д. Мережковский, Н. Бердяев, Л. Шестов и др. Ни о ком не писали они так много и так охотно, как о Достоевском. О научной объективности их работ говорить трудно, поскольку к наследию Достоевского «богофилы» относились как к текстам священного писания — не столько изучали, сколько толковали, додумывая за писателя его мысли и приписывая ему собственные выводы. Показательно в этом отношении признание Д. Мережковского: «Достоевский — пророк русской революции. Но как часто бывает с пророками, от него был скрыт истинный смысл его же собственных пророчеств... С ним я против него, с ним я за него. То, что я делаю,

он сделал бы сам» [10, т. 11, с. 177]. От лица Достоевского философы и публицисты внушали читателю мысль о врожденной виновности, греховности человека, избыть которую можно только страданием, о бессилии разума. (Даже интеллектуализм романов Достоевского — качество, безусловно, сближавшее с ним Горького, — расценивался ими как недостаток).

В. Розанов уговаривал человека признать бесперспективность познания. «Поняв это, мы сознаем, как обманчиво то величие, к которому влекся человек в своей истории, — увещевал он читателя. — Смирив свой дух, мы увидим, что его задачи на земле ограниченнее». Нравственная программа, с которой выступали богоискатели, и впрямь была скромной: «успокоить одно встревоженное сердце, утолить чью-нибудь тоску» — это, по их мнению, «больше и выше, нежели сделать самое блестящее открытие или удивить мир ненужным подвигом» [15, с. 121].

Горьковская концепция личности в значительной мере сложилась в полемике с этими взглядами. Думается, в них целил Горький диалогом Елены и Тетерева из третьего действия «Мещан» — настолько перекликается он с приведенными выше строками:

Тетерев (*указывая на дверь стариков*). И там страдает. И всюду, куда бы ни указали пальцем — везде страдает человек! Такая уж у него привычка...

Елена. А все-таки ему больно...

Тетерев. Разумеется...

Елена. И нужно его пожалеть.

Тетерев. Не всегда... И едва ли даже когда-нибудь человека нужно пожалеть... Лучше — помочь ему

[4, т. 7, с. 67].

Не страдание, а деяние занимает центральное место в той духовно-нравственной программе, которую предлагал своему читателю Горький, ибо, отрицая тот смысл, который вкладывался до сих пор в русской литературе в понятие нравственного самосовершенствования, не любя само это выражение, Горький ни на секунду не усомнился в необходимости работы человека над собой. И его программа принципиально отличалась от всех, которые выдвигались раньше. Системе, учившей человека смирять себя, погружаясь в самосозерцание, не замечать унижений, писатель противопоставил ту, при которой один человек подходит к другому как равный к равному, как это делает Нил: «Вы — человек, я — тоже» [4, т. 7, с. 96]. Такая программа направлена против мещанского мироощущения, поскольку «одно из свойств мещанской души — раболепие, рабье преклонение перед авторитетами» [3, т. 23, с. 354].

Горький утверждал личность нового, коллективистского типа. По Горькому, сознание внутренней силы приходит к человеку от связи с обществом, связь с коллективом расширяет его познавательные возможности. Именно причастность личности к общим идеям позволяет ей выйти за рамки очерченного ин-

дивидуализмом круга, подняться на более высокую ступень развития. Тогда как эгоизм убивает всякую самобытность. Даже старик Бессеменов замечает это в своих детях: «Ведь в каждом человеке должно быть что-нибудь свое... а они какие-то... ровно бы без лиц! Вот Нил... он дерзок... он — разбойник. Но — человек с лицом!» [4, т. 7, с. 43].

В творчестве Горького мысль о полном освобождении человека от пут духовного рабства накрепко связана с другой — об опережающем развитии сознания, неисчерпаемых возможностях, огромных творческих силах, таящихся в духе человека. Как вызвать к жизни эти силы, как развить их? В драматургии Горького ответ на этот вопрос впервые прозвучал в словах Цветаевой: «...Чтобы человеку жилось не скучно и не тяжело, он должен быть немножко фантазером — он должен, — хоть не часто, заглядывать вперед, в будущее». «Да-а... нужно выдумать!» — соглашалась Татьяна. «Поверить нужно...» — поправляла ее Цветаева и добавляла: «В свою мечту» [4, т. 7, с. 78].

В этой сцене ярко раскрывалось и другое — бескрылость мещанина, его неспособность увлечься идеей, непригодность к творчеству. «Не верю...»; «Так не бывает...» — твердила Татьяна. «Вы — ты, Нил, Шишкин — и все похожие на вас... быть может, вы, действительно, способны жить мечтами... Я — не могу» [4, т. 7, с. 79], — признавалась она Цветаевой. Татьяне вторил Петр: «Вы можете верить, что совместные чтения умных книг, спектакли для рабочих... разумные развлечения... и вся эта суетность — действительно, важное дело, ради которого и следует жить?» [4, т. 7, с. 75], и еще раз по тому же поводу: «Просто вы любите жить иллюзиями...» [4, т. 7, с. 28]; «Жизнь всегда была такая, как теперь... мутная, тесная... и всегда будет такая!» [4, т. 7, с. 80].

Проблема мещанства и все, что с ней связано в области сознания, постоянно волновало Горького. И то, что он высказал по этому поводу в первой пьесе, получило развитие в дальнейшем. От «Мещан» протянулись нити к пьесам «На дне», «Дачники», «Дети солнца», «Чудаки» и др. Мы обратили внимание на некоторые стороны конфликта пьесы, но и это позволяет увидеть, сколь тесно он связан с идеологической борьбой, развернувшейся в России в начале XX века.

1. Анненский И. Книга отражений. СПб., 1906. 2. Бердяев Н. Революция и культура // Полярная звезда. 1905, № 1. 3. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1949—1956. 4. Горький М. Полное собрание сочинений: В 25 т. М., 1968—1976. 5. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.: В 2 т. СПб., 1908, т. 1. 6. Кугель А. «Дачники» // Театр и искусство. 1904. № 46. 7. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1907. № 14. 8. Луначарский А. В. Мещанство и индивидуализм. М.; Пг., 1923. 9. Мережковский Д. Мещанство и русская интеллигенция // Полярная звезда. 1905. № 1. 10. Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского // Полн. собр. соч. СПб.; М., 1912. Т. 11. 11. Минский Н. На об-

щественные темы. Спб., 1909. 12. *Овсянко-Куликовский Д.* Еще о «мещанстве» и русской интеллигенции // Полярная звезда. 1905. № 3. 13. *Овчаренко А. И.* Публицистика М. Горького. М., 1965. 14. *Плеханов Г. В.* Идеология мещанина нашего времени // Избр. филсс. произведения: В 5 т. М., 1958. Т. 5. 15. *Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского: Опыт критического комментария с приложением двух этюдов о Гоголе. СПб., 1902. 16. *Франк С.* Политика и идеи (О программе «Полярной звезды») // Полярная звезда. 1905. № 1.

Статья поступила в редколлегию 10.10.88
